

КОМІЧЕСКОЕ

Авторы: С. А. Ромашко

КОМІЧЕСКОЕ [от греч. κωμικός – имеющий отношение к комедии; изначально связано с κῶμος – шумное празднество, праздничное шествие (в т. ч. во время праздника Дионисий)], смешное. Первоначально К. рассматривалось как эстетич. категория, часто в связи с жанром *комедии*, считавшейся наиболее полным и ярким воплощением комического. Начало этой традиции положил Аристотель, определявший «смешное» (γέλοῖον) как «ошибку и уродство, но безболезненное и безвредное», напр. «смешная маска есть нечто безобразное и искажённое, но без боли» («Поэтика», 1449а, пер. М. Л. Гаспарова). На протяжении столетий К. обсуждалось в рамках поэтик, иногда в сочинениях комедиографов (напр., «Новое искусство сочинять комедии» Лопе Ф. де Веги Карпыо), а также в риторич. трактатах; в центре внимания при этом находились отд. приёмы создания К., а само К. представлялось внешним явлением, которое комедиограф должен отобразить (ср. заданную Аристотелем норму, согласно которой в отличие от трагедии, изображающей «лучших» людей, комедия изображает «худших»).

Существенный сдвиг в трактовке К. был связан со становлением новоевропейской культуры, когда сформировался антропологич. подход к пониманию К.: центр внимания сместился от изображаемых явлений к субъекту, переживающему и/или создающему эффект комического. Т. Гоббс выводил комизм из стремления ощутить своё превосходство над другим. И. Кант в «Критике способности суждения» связал смех и К. с удовольствием и игровым избавлением от состояния стресса: «Смех есть аффект от внезапного превращения напряжённого ожидания в ничто» (Соч. М., 1966. Т. 5. С. 352). Йенские романтики (Ф. *Шлегель*, *Новалис*) разработали универсальную концепцию *иронии*, показав, что абсолютной границы между К. и серьёзным не существует. Позитивисты 19 в. были склонны сводить К. и смех к физиологич. реакциям. В интуитивистской философии А. *Бергсона* смех представлен как симптоматич. реакция на автоматизм, механизацию, подавляющие в повседневности творческое жизненное начало; К. рассматривается тем самым как социальное компенсаторное средство. М. М. *Бахтин* в своей концепции смеховой культуры стремился раскрыть широкий социокультурный и культурно-историч. контекст К. (карнавализация как необходимый момент ощущения единства общества и др.). В филос. антропологии Х. *Плеснера* смех и плач рассматриваются как экстремальные реакции в кризисных ситуациях человеческого существования.

Все эти разнообразные подходы к истолкованию К. свидетельствуют о бесплодности попыток свести его к к.-л. одной формуле. Ещё *Жан Поль* указывал на протеический характер К.: «Смешное испокон века не желало укладываться в определения философов, – если только не против своей воли, – просто потому, что чувство смешного принимает столько разных обликов, сколько есть на свете всякой невидали» (Приготовительная школа эстетики. М., 1981. С. 127–128). Тем не менее можно выявить ряд существенных параметров, характеризующих феномен комического.

Прежде всего К. является порождением субъекта, а не объекта: решающей оказывается определённая установка, способность человека («чувство юмора»), а не свойства явлений (реальных или воображаемых),

представляемых носителями К. Данные этнографии и истории культуры показывают, что предметом комизма может оказаться практически любое явление, событие, любая личность. Однако порождённость К. субъектом не исключает объективных моментов, обусловленных как природой человека, так и определёнными социокультурными условиями.

На когнитивном уровне К. связано с особой интерпретацией действительности, воспринимаемой как алогизм, нелепость, несообразность с общепринятыми правилами и представлениями. Неожданное и необычное совмещение разнородных контекстов и уровней восприятия и проистекающие из него парадоксальные выводы, привлекательные своей квазилогичностью, лежат в основе остроумия. Интерпретатор может быть включён в процесс К. в виде специального персонажа, напр. шута, своими словами и действиями демонстрирующего «комическую логику». Интерпретаторы К. широко представлены в фольклоре (дурак) и литературе (ср. героев Ф. Рабле, образы Санчо Пансы у М. де Сервантеса, Жака-Фаталиста у Д. Дидро и др.), нередко они открыто заявляют о своей аномальности, иногда в резкой форме (так, бравый солдат Швейк у Я. Гашека постоянно напоминает, что он идиот). Разл. степени деформации общепринятых представлений, а также ценностных ориентиров и прагматич. закономерностей общения порождают такие специфич. проявления К., как зротеск, ирония, сарказм, пародия, карикатура (шарж).

На психологич. уровне К. связано с отрешённым восприятием предмета К., отчуждением от него (А. Бергсон назвал это состояние «анестезией сердца»): смех предполагает отсутствие симпатии, сопереживания с комичными персонажами, которые уподобляются марионетке или механич. игрушке. Исключением является такая сложная форма К., как юмор, предполагающий внутр. участие в том, что кажется смешным. Возможно также попеременное восприятие явления как комического и как трагического или драматического; на этом основан жанр трагикомедии («смех сквозь слёзы»), предполагающий способность постоянного переключения с одного типа восприятия на другой. Отчуждённость предмета К. позволяет использовать его в качестве механизма социального разграничения на разл. группы («своих» и «чужих») – этнокультурные, социальные, политические (ср. традиц. этнич. шутки и анекдоты). К. способно снимать напряжение, возникающее в обществе, однако в крайних случаях К. может принимать форму символич. агрессии (резко карикатурное, уродливое изображение противника в пропаганде).

В социокультурном плане комедия, как и большинство комич. жанров, постоянно противопоставлялась трагедии как «низкий» жанр – «высокому». Смеховая культура также обычно локализуется в низших слоях общества и связывается с «низкими» предметами и темами, нередко табуированными в более высоких жанрах и офиц. обстановке. Зона господства смеха (комич. театр, цирк и т. п.), как и специфич. состояние господства К. (карнавальные празднества и сходные явления) предполагают возможность прорыва низовых форм культуры в более широкое пространство, снятие ранговых, иерархич. ограничений, табу, запретов (политич. карикатура как возможность открытого нарушения политич. рангов и норм и т. п.). Возможна и «высокая» смеховая культура (как правило, элитарная), а также интеллектуальный юмор, однако и в этом случае присутствует элемент «разрегулированности» социальных нормативов, хотя и в более утончённой форме.

В культурно-историч. плане можно рассматривать последовательное формирование и развитие разл. форм выражения комизма. К. очевидно присутствует уже в повседневной жизни в простейшей форме шутки; разнообразный фольклорный мир К. охватывает широкий спектр от малых жанров (анекдот, прибаутка,

дразнилка) до масштабных праздничных обрядов, включающих в себя множество отд. комич. действий.

Формирование литературы и искусства приводит к появлению соответствующего набора жанров, тем и приёмов, представляющих К. в данной культуре. С появлением средств массовой информации возможности проявления К. постоянно расширяются.

Различия в каналах восприятия и коммуникации определяют средства выражения К. Наиболее богаты языковые возможности К.: их спектр простирается от простой игры слов до сложных повествовательных и ассоциативных механизмов речи, благодаря которым возможны и простая бытовая шутка, и сатирич. роман. Ранний синтез разл. механизмов К. представлен в разного рода фольклорных действиях, а затем в театре, где слово сочеталось с изобразит. действием и музыкой. Ныне синтетич. формы К. активно развиваются в кино, на телевидении и в компьютерном искусстве.

Литература

Лит.: Lipps T. Komik und Humor. Eine psychologisch-ästhetische Untersuchung. Hamb.; Lpz., 1898; Сретенский Н. Н. Историческое введение в поэтику комического. Ростов н/Д., 1926. Ч. 1; Aubouin E. Les genres du risible. Marseille, 1948; Jünger F. G. Über das Komische. 3. Aufl. Z., 1948; Plessner H. Lachen und Weinen. Münch.; Bern, 1950; Боров Ю. Б. Комическое... М., 1970; Das Komische / Hrsg. von W. Preisendanz, R. Warning. Münch., 1976; Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht; Boston, 1985; Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990; Бергсон А. Смех. М., 1992; Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002; Смех: Истоки и функции / Под ред. А. Г. Козинцева. СПб., 2002; Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. М., 2002; Knieper T. Die politische Karikatur. Köln, 2002; Глинка К. Теория юмора. М., 2004; Gibson W. S. P. Bruegel and the art of laughter. Berk.; L., 2006; Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2007.